

ЗНАЧЕНИЕ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО СОСТОЯНИЯ

Проф. Э. А. МАКАЕВ (Москва)

§ 1. Во второй половине XIX и в первой половине XX вв. появилось довольно значительное количество работ, посвященных выяснению места армянского языка среди индоевропейских языков¹, а также анализу отдельных сторон фонетики, морфологии, лексики и словообразования армянского языка в сравнительно-историческом освещении². Был накоплен также значительный материал в области армянской этимологии, обобщенный в 30-х годах XX в. в известном словаре Г. Ачаряна³. Своеобразие фонетического и морфологического строя грабара и ашхарабара продолжает и в настоящее время привлекать внимание компаративистов, о чем свидетельствуют появляющиеся время от времени в различных журналах заметки и, реже, более крупные публикации по армянской филологии⁴. Следует, однако, со всей определенностью указать на то, что для всех этих работ характерным оказывается подход к армянскому языку как индоевропейскому маргинальному языку. На первый план выдвигаются вопросы, связанные с выяснением причин глубоких трансформаций, пережитых армянским языком в процессе его вычленения из определенного ареала индоевропейской языковой общности и его дальнейшего развития. Естественным, что в свете такой постановки вопроса вообще не рассматривается проблема соотношения армянского языка и общиндоевропейской модели, что было прежде всего продиктовано воззрениями А. Мейе⁵ на сравнительную грамматику армянского языка, которые были приняты и утверждены в сравнительном индоевропейском языкознании в первой половине XX в.

§ 2. Многочисленные исследования А. Мейе по сравнительной фонетике и морфологии армянского языка, а также по армянской этимологии

¹ Наиболее полный обзор см. в работе: G. Solta, Die Stellung des Armenischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen, Wien, 1960; см. также: Э. А. Макаев, Армянско-индоевропейские лексические изоглассы (рукопись).

² См. обзор в работе: G. Solta, Die armenische Sprache (Handbuch der Orientalistik. Bd. VII, Leiden—Köln, 1963, стр. 80—131).

³ См. Հ. Աճառյան, Հայերեն տրամադրական բառաբան, հհ. I—VII, Երևան, 1926—1935.

⁴ См. обзор в кн.: „Revue des études Arméniennes“, Nouvelle série. Tome I—III, Paris, 1964—1966.

⁵ A. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'Arménien classique, Vienne, 1903; seconde édition entièrement remaniée, Vienne, 1936; в работе цитируется лишь второе издание.

получили классическое завершение в его «Очерке сравнительной грамматики древнеармянского языка», где наиболее подробно и систематически излагалась доктрина А. Мейе. Давая характеристику отличительных черт фонетического и морфологического строя древнеармянского языка, А. Мейе неоднократно подчеркивал отличия армянского языка от общиндоевропейского состояния. Рассматривая фонетический строй армянского языка, А. Мейе указывал: «Фонетическая система армянского языка отлична от индоевропейской».

1. Индоевропейский характеризовался подвижным политоническим акцентом, ударение в армянском фиксировано, что явилось причиной многочисленных синкоп гласных и, особенно, гласных конечных слогов.

2. Ритм индоевропейского был количественным, армянские гласные не обнаруживают никаких различий в количестве независимо от места акцента.

3. Армянские глухие и звонкие смычные характеризуются задержкой вибраций голосовых связок, следствием чего является полное передвижение согласных, схожее с передвижением согласных в германских языках.

4. В индоевропейском были представлены многочисленные и разнообразные группы согласных; армянский язык их элиминировал и почти все слоги превратил в открытые.

5. В индоевропейском была представлена серия фонем, которые, в зависимости от их позиции в слове, выступали как гласные, согласные или вторые элементы дифтонгов; в армянском языке сонанты у, и, г, l, т, п не сохранились как самостоятельный класс фонем. Следствием этого явилось то, что индоевропейское слово, которое вплоть до древнеармянского периода не испытало никаких измерений, кроме закономерных фонетических преобразований, в армянском языке видоизменило свой характер: арм. *haug* «отец» мало напоминает греч. *πατήρ*⁶. Остановливаясь на причинах столь значительных преобразований фонетического строя армянского языка, А. Мейе указывал на то, что по меньшей мере отчасти они могут объясняться субстратными воздействиями, речевыми навыками аборигенов тех областей, куда был занесен индоевропейский армянский язык⁷.

Рассматривая падежную систему армянского языка, А. Мейе подчеркивал, что «вплоть до настоящего времени падежи сохранили в армянском их первоначальную индоевропейскую значимость без существенных изменений, и эта консервация тем более замечательна, что она не находит себе равной за исключением славянских и балтийских языков»⁸. Наконец, давая общую характеристику отличиям армянского языка от индоевропейского, А. Мейе писал: «Хотя армянский засвидетельствован в относительно позднее время, он сохранил большое количество

⁶ Там же, стр. 58.

⁷ Там же, стр. 59.

⁸ Там же, стр. 97.

характерных признаков индоевропейского языка: употребление падежей и флексия основ на -п, к примеру, являются явными архаизмами. Но в целом, фонетический и морфологический строй армянского языка глубоко отличен от индоевропейского»⁹. В этой концепции А. Мейе со всей ясностью проступало стремление рассматривать армянский язык как языковый тип, далеко отошедший от общиндоевропейского состояния. В этой связи для А. Мейе не было случайным соположение армянского языка с германскими, ибо, как подчеркивал он в другой работе¹⁰, германские языки «достигли состояния, которое все более удаляется от индоевропейского... Там, где исторические условия ускорили это развитие, от индоевропейского типа языка почти ничего не осталось; английский имеет в высшей степени своеобразное произношение, тип грамматики, максимально далекий от индоевропейского, а в его словаре лишь очень мало старых слов в их старом значении. С индоевропейским языком английский связан исторической преемственностью, но он почти ничего не сохранил от индоевропейского типа».

Как уже было отмечено выше, концепция А. Мейе о соотношении армянского языка и общиндоевропейского состояния была утверждена в сравнительном индоевропейском языкознании и является господствующей вплоть до настоящего времени. Достаточно указать на небольшую монографию Г. Зольта¹¹, в которой автор, цитируя почти дословно схему А. Мейе, которая была приведена выше, приходит к выводу, что «эти специфически армянские фонетические преобразования имели следствием, что дистанция, отделяющая армянский язык от других индоевропейских языков, не подвергшихся столь значительным преобразованиям, довольно велика». В конце работы Г. Зольта¹² подчеркивает: «Индоевропейские элементы в армянском обнаруживают частично высокую архаичность, но в то же время армянский язык обнаруживает самые значительные потери древнеиндоевропейских структурных черт». Так же, как и А. Мейе, Г. Зольта усматривает причины столь значительных преобразований армянского языка в субстратных воздействиях¹³.

§ 3. Следует полагать, что уместной и своевременной является постановка вопроса о том, в какой мере вышезложенная концепция о статусе армянского языка согласуется с современными представлениями об общиндоевропейской модели и об эволюции общиндоевропейского языка?

Хорошо известно, что в сравнительном индоевропейском языкознании в конце XIX и в первой четверти XX века, т. е. до использования данных хетто-лувийских и тохарских языков в сравнительной грамматике индоевропейских языков, общиндоевропейская модель строилась в ос-

⁹ Там же, стр. 144.

¹⁰ А. Мейе. Основные особенности германской группы языков (русс. пер.). М., 1952, стр. 154.

¹¹ G. Solta. Die armenische Sprache, стр. 101.

¹² Там же, стр. 127.

¹³ Там же.

новном на данных древнеиндийского и греческого языков со спорадическим привлечением данных славяно-балтийских и итальянских языков. При этом, ведический диалект древнеиндийского языка рассматривался как древнейший представитель индоевропейского языкового мира, как язык, в котором оказались законсервированными наиболее архаичные черты индоевропейского структурного типа. Не приводя здесь всей относящейся сюда литературы, поскольку это было рассмотрено в другом месте¹⁴, укажу на то, что Е. Курилович в работе, вышедшей в 1952 г.¹⁵, считал возможным утверждать: «Выводы, касающиеся индоевропейского «праязыка», основаны исключительно на индийском... выбор языка в данном случае не представляет затруднений: в ведийском мы не находим ни одной прозодической черты, которую приходилось бы, в сопоставлении с греческим или балто-славянским, считать нововведением, но обратное утверждение было бы неправильно».

Как я пытался показать в работе, специально посвященной данному вопросу¹⁶, в свете современных данных не представляется возможным рассматривать ведическое наречие как самый архаичный из всех индоевропейских языков, поскольку в ведическом диалекте представлен как ряд несомненных архаизмов, так и значительное количество новообразований. Кроме того, данные хетто-лувийских и тахарских языков, дешифровка греческого линейного письма Б (или крито-микенского диалекта), интенсивное применение принципов внутренней реконструкции и более жесткая процедура вычленения нескольких хронологических срезов общиндоевропейского языка, что имело прямым следствием пересмотр вопроса о дистрибуции архаизмов и инноваций в отдельных ареалах индоевропейской языковой общности — все это по необходимости приводит к построению существенно иной модели общиндоевропейского состояния¹⁷, и в этом свете представляется целесообразным рассмотреть аргументы А. Мейе, обобщенные в таблице, где перечисляются отличия армянского языка от индоевропейского. Вернемся еще раз к вышеприведенной таблице; А. Мейе указывает:

1. Индоевропейский характеризовался подвижным политоническим акцентом; ударение в армянском фиксировано, что явилось причиной многочисленных синкоп гласных и, особенно, гласных конечных слогов.

2. Ритм индоевропейского был количественным; армянские гласные не обнаруживают никаких различий в количестве независимо от места

¹⁴ Э. А. Макаев. Проблемы и методы сравнительно-исторического индоевропейского языкознания (ВЯ, 1965, № 4, стр. 6—11), его же: Синхрония и диахрония и вопросы реконструкции (сб.: «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960, стр. 150; его же: Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.—Л., 1964, стр. 26—27.

¹⁵ J. Kurylowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Krakow, 1952, стр. 497—498.

¹⁶ Э. Макаев. Archaismen und Innovationen im Vedischen, Festschrift F. B. J. Kuiper, Leiden, 1967.

¹⁷ Э. А. Макаев. Проблемы и методы..., стр. 6—11.

акцента. В основе этих постулатов, основанных на данных ведического и древнегреческого диалектов, лежит представление о том, что индоевропейский язык характеризовался наличием политонического или хроматического (или музыкального) ударения, количество гласных определялось независимо от места акцента и, тем самым, явления синкопы не могли иметь места в общеиндоевропейскую эпоху. Данные положения нуждаются в существенном пересмотре. Рассматривая подвижные акцентные парадигмы в различных индоевропейских языках (типа вед. *dāru*, род. пад. ед. ч. *droṇ* „дрова“, *sānu*, род. пад. ед. ч. *spoṇ* „вершина“, *jaḡāma* „я пошел“, *jaḡmūg* „они пошли“, *uvāsa* „он сказал“, *ūcīg* „они сказали“, *sakāga* „он сделал“, *sakīma* „мы сделали“), И. Шмидт¹⁸ установил зависимость сокращения гласных от акцентных факторов и одновременно доказал на основе систематического сравнения сходных явлений в различных индоевропейских языках, что данная зависимость восходит к общеиндоевропейской эпохе. Сформулированный И. Шмидтом закон индоевропейской акцентологии и парадигматики гласит: «Определенный слог в том случае испытывает наибольшее сокращение (или ослабление), если ударение падает на отрезок, отстоящий на два слога от данного слога, а не падает на отрезок, непосредственно следующий за данным слогом». Следствия из данного закона следующие: 1. Краткий гласный (а) сохраняется в том случае, если непосредственно следующий за ним слог является ударным и исчезает, если ударение передвигается на один слог дальше. 2. Долгий гласный, испытывающий сокращение в позиции перед ударным слогом, вовсе исчезает, если ударение передвигается на один слог дальше. 3. Дифтонг, сохраняющийся в позиции непосредственно перед ударным слогом, сокращает свой первый элемент, если ударение передвигается на один слог дальше». Одновременно с И. Шмидтом явления ослабления гласных в зависимости от акцентных факторов изучались Ф. де Соссюром¹⁹ под углом зрения того, что Ф. де Соссюр называл сильной флексией (*flexion forte indo-européenne*). Х. Хирт²⁰, подводя итоги своим разысканиям в области индоевропейской акцентологии, приходит, как известно, к выводу о том, что периоду господства музыкального ударения в индоевропейском в период, непосредственно предшествовавший его распаду, должен был предшествовать длившийся весьма долго период господства динамического ударения, когда акцент оказывал решающее воздействие на индоевропейский вокализм. Х. Хирт вычленил при этом 6 хронологических срезов в индоевропейском, когда, под влиянием динамического акцента происходили процессы сокращения долгих гласных, редукции кратких гласных, появления глухих гласных и явления синкопы. На основе этих положений можно утверждать, что первоначально в общеиндоевропейском

¹⁸ J. Schmidt. *Zwei arische A-Laute und die Palatalen* (KZ. Bd. 25, 1881).

¹⁹ F. de Saussure. *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues Indo-européennes*, Leipzig, 1879.

²⁰ H. Hirt. *Indogermanische Grammatik IV*, Heidelberg, 1928, стр. 350 и сл.

была представлена система динамического ударения, ибо лишь на основе принятия этой гипотезы возможно наиболее последовательно и просто объяснить явления чередования гласных, особенно явления количественного чередования, многоступенчатые процессы редукции гласных в акцентно слабой позиции в различных индоевропейских языках и, наконец, явления синкопы гласных. Следует полагать, что смена динамического ударения политоническим ударением, имевшая место в позднеиндоевропейском (согласно принятому нами хронологическому делению индоевропейского на два состояния: раннеобщиндоевропейский и позднеобщиндоевропейский)²¹, наступила не во всех индоевропейских ареалах, т. е. она носила региональный характер. Достаточно указать на то, что в древнеиндийском, начиная с древнейшей поры, были представлены две акцентные схемы: ведическое наречие характеризовалось политоническим акцентом, санскрит — динамическим акцентом, хотя и высказывалось предположение²² о том, что акцентная система в санскрите является вторичной по отношению к ведической акцентной системе, однако в распоряжении исследователя нет данных для доказательства этого предположения. Во всяком случае санскритская акцентная схема такая же древняя, как ведическая. Что касается явлений синкопы, то еще Ф. де Соссюр в одной замечательной работе²³ считал возможным объяснить ряд форм греческого языка, напр. греч. $\pi\rho\sigma\sigma\upsilon\lambda\lambda\alpha$ „пришел», на основе синкопы, действовавшей в языке с ярко выраженным политоническим характером, каким был древнегреческий язык. Ф. де Соссюр полагал при этом, что движущим фактором для наступления синкопы был открытый им ритмический закон преобразования последовательности трех кратких гласных:

$$\begin{array}{l} a \cup \cup \cup > - \cup \\ b \cup \cup \cup > \cup - \\ c \cup \cup \cup > \cup \cup \end{array}$$

Объяснение Ф. де Соссюра, встретившее серьезное возражение со стороны Я. Ваккернагеля²⁴ и других исследователей, не получило всеобщего признания. О. Семереньи в своей обширной монографии²⁵ снова вернулся к объяснению Ф. де Соссюра и не только привел новый и значительный материал синкопированных образований в греческом языке, но и внес в это объяснение два новых момента. О. Семереньи явления синкопы объясняет не действием ритмического фактора, а акцентными фак-

²¹ Э. А. Макаев. Проблемы и методы..., стр. 7.

²² A. Thumb — R. Hauschild. Handbuch des Sanskrit, I, Heidelberg, 1958, стр. 208.

²³ F. de Saussure. Une loi rythmique de la langue grecque (сб. Recueil des publications scientifiques de F. de Saussure, Genève, 1922, стр. 470 и сл.).

²⁴ J. Wackernagel. Das Dehnungsgesetz der griechischen Komposita (сб. Kleine Schriften von J. Wackernagel, Göttingen, стр. 897 и сл.).

²⁵ O. Szemerényi. Syncope in Greek and Indo-European and the Nature of Indo-European Accent, Napoli, 1964, стр. 274 и 403.

торами, именно синкопа наступает в акцентно слабой позиции (или в безударном слоге). Кроме того, О. Семереньи полагает, что явления синкопы не ограничиваются греческим языком, но в известной мере характеризуют и общиндоевропейское состояние. Если не все из приведенных О. Семереньи материалов выдержат испытание времени²⁶, то все же общее направление его исследований следует считать весьма перспективным и выводы в значительной мере оправданными. В свете всего вышеизложенного нельзя не прийти к выводу, что пункты 1 и 2 схемы А. Мейе не отвечают современному уровню разработки общиндоевропейской модели и ее соотношения с данными армянского языка.

3. Третий пункт касается передвижения согласных в армянском языке. А. Мейе рассматривал передвижение согласных в армянском и в германских языках как одно из наиболее ярких отличий данных языков от общиндоевропейского. Причины столь коренного преобразования всей системы смычных в армянском и в германских языках А. Мейе усматривал, как известно, в анатомо-генетических факторах, именно в различиях укладов голосовой щели, причем принималось, что для общиндоевропейского был характерен сомкнутый уклад голосовой щели, а для армянского и германских языков был характерен несомкнутый уклад голосовой щели. А. Мейе подчеркивал: «Изменение, которое, подобно передвижению согласных в германском и в армянском языках, заключается в коренном изменении способа артикуляции, особенно в изменении активности голосовых связок... естественно объясняется тем, что народность, меняя язык, сохранила свои старые произносительные навыки... Что касается Армении, то там проникновение индоевропейского наречия произошло в исторический период; с другой стороны, система армянских смычных, имеющая совершенно особый характер, тождественна с системой группы смежных языков другой семьи, южнокавказской, наиболее известным языком которой является грузинский»²⁷.

В этом построении А. Мейе уязвимыми являются несколько положений. 1. Прежде всего следует со всей определенностью подчеркнуть, что неправомерным является определение фонологических процессов трансформаций согласных физиологическими причинами. Компаративист ничего не может знать о характере уклада голосовой щели в общиндоевропейском, не говоря уже о том, что данное объяснение не является собственно лингвистическим, а строгость лингвистического анализа заключается в том, что лингвистические явления должны интерпретироваться при помощи лингвистических постулатов²⁸.

2. Бездоказательно и объяснение причин передвижения согласных при помощи субстрата, поскольку в отношении германского передвиже-

²⁶ Рец. М. Lejeune на книгу О. Семереньи (BSLP. 61, 1966, fasc. II, стр. 34—38; H. J. Frisk, Griechisches etymologisches Wörterbuch, Lief. 17, 1966, s. v. -όρυσσ-).

²⁷ А. Мейе. Основные особенности германской группы языков, стр. 43.

²⁸ См. об этом в работе: Э. А. Макаев. Некоторые явления системы согласных германских языков с фонологической точки зрения (сб.: «Материалы I научной сессии по вопросам германского языкознания», М., 1959, стр. 36—51).

ния согласных исследователь не располагает данными о догерманских языках и их структурных особенностях. Что касается армянского передвижения согласных, то не представляется возможным прямое сведение армянского консонантизма к южнокавказской, т. е. грузинской модели смычных согласных.

3. Наконец, наиболее существенным как для армянского, так и для германского передвижения согласных оказывается не фундаментальное преобразование структурного облика индоевропейского консонантизма, как то постулировал А. Мейе, а как раз наоборот — консервация некоторых приемов общиндоевропейского моделирования в системе согласных фонем²⁹. Дело в том, что как в армянском, так и в германских языках три ряда индоевропейских смычных: *bh, dh, gh*: *b, d, g*; *p, t, k* — в антропофоническом отношении испытали значительные преобразования, но фонологическая релевантность трех рядов была сохранена. Передвижение согласных в армянском и в германских языках привело к видоизменению способа образования индоевропейских смычных без изменения места их образования и без сокращения всех трех коррелирующих рядов смычных; тем самым общиндоевропейские принципы моделирования корреляций согласных фонем в армянском и в германских языках были сохранены. Три ряда индоевропейских смычных в армянском и в германских языках оказались частично смещенными глухими придыхательными или спирантами, но конфигурация трех рядов и принцип дистантности между всеми тремя рядами продолжал по-прежнему сохраняться в армянском и в германских языках. Подобное положение вещей заставляет утверждать, что в армянском и германском передвижении согласных следует усматривать, вопреки утверждениям А. Мейе, не радикальное преобразование индоевропейской системы смычных, а сохранение индоевропейских моделей. В этом отношении армянский язык стоит ближе к общиндоевропейской модели, чем большинство прочих индоевропейских языков³⁰.

4. Четвертый пункт касается групп согласных и тенденции армянского языка к раскрытию закрытых слогов. Вопрос о группах согласных в общиндоевропейском является неясным в том отношении, что требует специального исследования вопрос о том, что группы согласных в начальной и в интервокальной позиции, как то представляется возможным реконструировать на основе данных отдельных индоевропейских языков для позднеиндоевропейского состояния, могли явиться следствием неоднократных процессов редукции и выпадения гласных и тем самым для раннеиндоевропейского следует принимать, по меньшей мере в ограниченном объеме, наличие открытых слогов. В этом отношении заслужи-

²⁹ «Сравнительная грамматика германских языков», т. II. Фонология, М., 1962, стр. 14.

³⁰ Э. А. Макаев. Передвижение согласных в армянском языке (ВЯ, 1961, № 6, стр. 24).

вает внимания попытка К. Боргстрёма³¹ представить исходное индоевропейское состояние как язык со структурой открытого слога (более подробно данный вопрос рассматривается в нашей монографии «Структура и стратиграфия общегерманской лексики»). В то же время вопрос о группах согласных и о тенденции к открытому слогу в армянском языке нуждается в новой постановке. Прежде всего, в уточнении нуждается само определение тенденции к открытым слогам. Как показали исследования славистов, «закон открытых слогов следует считать не причиной, а следствием каких-то других тенденций и закономерностей»³².

Следовательно, необходимо установить, под влиянием каких факторов и в какой хронологический отрезок в армянском наметилась тенденция к открытым слогам. Что касается групп согласных, то, как показало обстоятельное экспериментальное исследование групп согласных в современном армянском языке, проведенное сотрудниками экспериментальной фонетической лаборатории Института языка им. акад. Ачаряна АН Арм. ССР, в армянском языке представлены группы начальных согласных³³. Следовательно, данный критерий А. Мейе не может быть использован для характеристики отличий армянского языка от индоевропейского.

5. Пятый пункт касается системы сонантов как самостоятельного класса фонем в индоевропейском и отсутствия данного самостоятельного класса в армянском, в связи с чем А. Мейе подчеркивает различие в структурном оформлении слова в индоевропейском и в армянском языке. Следует прежде всего указать на то, что сонанты у, w, г, l, m, n как самостоятельный класс фонем, противопоставленный как классу гласных, так и классу согласных фонем и характеризующийся наличием трех аллофонов: гласного, согласного и гласного/согласного в составе дифтонгов³⁴, не представлены ни в одном индоевропейском языке и отсутствие данного класса фонем в армянском языке не позволяет усматривать в этой структурной особенности армянского консонантизма отличие армянского от индоевропейского. Кроме того, в индоевропейском класс сонантов не был полностью гомогенным: как показал Х. Хирт³⁵ и как было обосновано Е. Куриловичем³⁶, в сонантах у, w, г, l, m, n выделяются два подкласса: у, w являются собственно гласными, которые могут функционировать как согласные; г, l, m, n являются собственно согласными, которые могут функционировать как гласные. Следует

³¹ C. Borgstrom, Thoughts about Indo-European Vowel Gradation (NTS, Bd. XV, 1949, стр. 137—187).

³² В. К. Журавлев. Генезис группового сингармонизма в праславянском языке. Автореферат докт. дисс. М., 1965, стр. 4.

³³ Я имел возможность ознакомиться с результатами данного исследования во время моего пребывания в Ереване с 25.III по 7.IV 1967 г. Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность сотрудникам лаборатории и особенно А. А. Хачатрян.

³⁴ F. Edgerton. The Semivowel Phonemes of Indo-European (Language 38. f. 4, 1962, стр. 363).

³⁵ H. Hirt. Indogermanische Grammatik II. Heidelberg, 1921, стр. 11.

³⁶ J. Kurylowicz. L'apophonie en Indo-Europeen, Wrocław, 1956, стр. 120—121.

думать, что именно в этих различиях двух подклассов сонантов следует усматривать различный характер эволюции у, w, с одной стороны, г, l, m, n — с другой, в отдельных индоевропейских языках. Как известно, рассмотрение у, w, г, l, m, n как единого класса фонем, восходящее к «Мемуару» Ф. де Соссюра и особенно подробно обоснованное А. Мейе³⁷, влекло за собой постулат о том, что сочетание: гласный + у, w, г, l, m, n следует интерпретировать как структуру дифтонга. Тем самым, общиндоевропейскому приписывалось наличие 36 дифтонгов. Данное построение не может не вызвать серьезных возражений как с точки зрения статуса самого индоевропейского при наличии вышеупомянутых различий структурного характера между двумя подклассами сонантов, так и в плане общей типологии языка, ибо язык, имеющий класс дифтонгов в составе 36 членов, вряд ли может претендовать на известную реальность. В. Леман³⁸, отвергая это построение, был несомненно прав, указывая на то, что не было приведено никакого доказательства в оправдание и обоснование данного построения, хотя следует подчеркнуть, что сам В. Леман шел слишком далеко в своей критике концепции А. Мейе, отрицая вовсе наличие дифтонгов в индоевропейском³⁹. Г. Шевелов⁴⁰ проводит, с нашей точки зрения, вполне оправданное разграничение между дифтонгами в собственном смысле и функциональными дифтонгами, к которым он относит сочетание: гласный + г, l, m, n. Закljučая все вышесказанное, можно утверждать, что отсутствие самостоятельного класса сонантов в армянском языке еще ничего не говорит о соотношении армянского языка и общиндоевропейской модели.

Что касается различного оформления структуры слова в армянском и в индоевропейском, то прежде всего укажу на то, что данный вопрос подробно рассматривается в работе «Структура слова в армянском языке». Здесь ограничусь следующими замечаниями: единство морфологического слова в общиндоевропейском было относительным в том смысле, что полнозначная лексическая единица, как правило, функционировала в окружении проклитик и энклитик, которые, будучи безударными, примыкали к акцентно оформленному полнозначному слову, образуя так называемое фонетическое слово или, в нашей терминологии, фразовый отрезок⁴¹.

Можно полагать, что более компактная акцентная организация морфологического слова в составе фразового отрезка влечет за собой боль-

³⁷ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 134 и сл.

³⁸ W. P. Lehmann. Proto-Indo-European Phonology, Austin, 1952, стр. II.

³⁹ W. P. Lehmann. Указ. раб., стр. II и сл. А. Мартинэ справедливо возражает против гипотезы В. Лемана в своей рецензии на книгу В. Лемана. См. A. Martinet. Рец. на кн.: W. P. Lehmann'a: Word, vol. IX, № 3, 1953, стр. 286 и сл.

⁴⁰ G. Shevelov. A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic, Heidelberg, 1964, стр. 22–23.

⁴¹ См. Э. А. Макаев. Структура слова в общиндоевропейском («Доклады советской делегации на X Межд. конгрессе лингвистов в Бухаресте», М., 1967).

шое количество безударных элементов, т. е. проклитик и энклитик, группирующихся вокруг полнозначного слова. В общендоевропейском для фразовых отрезков было характерным значительное количество проклитик и энклитик. Тем самым описание структуры индоевропейского слова вне явлений проклизы и энклизы оказывается невозможным. В этой связи следует подчеркнуть, что явления проклизы и энклизы образуют составную часть структуры слова в армянском языке. Превербы (в препозиции и постпозиции) образуют вместе с полнозначным словом единую структурную акцентно-ритмическую группу, весьма схожую с фразовыми отрезками в общендоевропейском; ср. в грабаре: *i veray haip itou* «для моего отца»; *i pahpeasip teros i veray* «для наших предков»⁴². Не менее характерным для армянского языка является весьма интенсивное употребление теиктических частиц местоименного происхождения, которые в ашхарабаре служат для конкретизации пространственной характеристики и для выражения поссесивных отношений соответствующих слов. Следует со всей определенностью подчеркнуть, что подобное употребление деиктических частиц, весьма развитое в ашхарабаре, не является инновацией армянского языка, а является продолжением и развертыванием структуры индоевропейских фразовых отрезков. Структурное оформление слова в армянском языке поразительно близко к общендоевропейской модели структуры слова, и в этом отношении данные армянского языка (как грабара, так и ашхарабара) имеют не меньшее значение, чем данные древнеиндийского или греческого языков. Анализ всех пяти пунктов схемы А. Мейе позволяет прийти к выводу, что в свете современного состояния сравнительного языкознания она не отвечает истинному положению вещей и вопрос о соотношении армянского языка и общендоевропейской модели нуждается в коренном пересмотре. В то же время, в падежной системе армянского языка А. Мейе усматривал консервацию общендоевропейского состояния. Нетрудно заметить, что данное положение А. Мейе было продиктовано представлением об индоевропейском праязыке, в котором было представлено 8 падежей, причем оказывалось, что лишь индоиранские, славянские, балтийские и армянский языки сохранили в более или менее полной форме исконное состояние, в то время как все прочие индоевропейские языки значительно упростили и редуцировали общендоевропейскую падежную систему. Мне неоднократно приходилось указывать на то, что эта концепция, как не отвечающая уровню наших современных представлений об индоевропейском языке, нуждается в коренном пересмотре. В свете современных данных можно полагать, что в раннеобщендоевропейском и, частично, в позднеиндоевропейском еще не были завершены процессы вклинивания местоименной парадигмы в именную парадигму и тематизации именных основ. Форматив *-e* (*-i* дат.) местн. пад. ед. числа, подвергшийся впоследствии парадигматической дифференциации, выступал в двух вариантах в зависимости от акцентных отношений. Все это позволяет свести

⁴² H. Jensen. Altarmenische Grammatik, Heidelberg, 1959, стр. 124.

количество членов именной парадигмы в этом периоде к четырем членам. В дальнейшем, после распада индоевропейской языковой общности и образования отдельных ареалов, были получены две модели индоевропейской именной парадигматики: I модель центрального ареала индоевропейских языков с рядом значительных инноваций; II модель периферического ареала индоевропейских языков со значительной зоной консервации. Деление индоевропейского ареала на центральный и периферический в известной мере перекрывается делением на восточный и западный ареал. В западном ареале выделяется группа языков (греческий, италийские, кельтские, германские), четко противопоставленная восточному ареалу (индонранские, армянский, балто-славянские языки). Различие между западным и восточным ареалом в отношении именной парадигматики заключается в том, что в то время как в западном ареале именная парадигма состоит из грамматических падежей (им., род., дат., вин.), в восточном ареале происходит парадигматизация локальных падежей (мест., отлож., творит.) и тем самым именная парадигма состоит из грамматических и локальных падежей, естественно, что число членов именной парадигмы в восточном ареале значительно больше, чем в западном ареале. Втягивание наречных образований в именную парадигматику наблюдалось как в восточном, так и в западном ареале. Это говорит о том, что данная тенденция была заложена еще в индоевропейском, но в то время как в западном ареале она не получила широкого размаха, не привела к значительному преобразованию приемов парадигматического моделирования, в восточном ареале она, напротив, проявилась достаточно интенсивно, и ее следствием явилась парадигматизация наречных образований и становление локальных падежей. Таким образом, многопадежная система языков восточного ареала, в том числе армянского языка, является не чем иным, как претворением общеиндоевропейской тенденции, ее полнейшим завершением, т. е. инновацией, охватившей языки этого ареала. Тем самым то, что А. Мейе рассматривал как новообразование в армянском языке, на самом деле предстает как в значительной мере консервация общеиндоевропейских приемов моделирования, в то время как то, что А. Мейе рассматривает как архаизм в армянском языке—предстает как новообразование как армянского, так и других языков восточного ареала⁴³. Мы приходим к сходному выводу и в отношении глагола в армянском языке, точнее в отношении корреляции двух основ: презенса и аориста в системе армянского глагола⁴⁴.

⁴³ Наиболее подробно данный вопрос рассматривается в работе: Э. А. Макаев. Именное склонение в германских языках (Сравнительная грамматика германских языков, т. III, М., 1963, стр. 288—292; см. также: Э. А. Макаев. Приемы и методы..., стр. 8; об армянском склонении см. обстоятельную монографию: Յ. Բ. Ջախչյան, Հին հայերենի հոգնման սխեմեր և նրա ծագումը, Երևան, 1959, см. также: A. Garibian Les deux lois intrinsèques de l'évolution de la structure de la déclinaison nominale en arménien (Bulletin de l'Académie des Sciences de la République Socialiste Soviétique d'Arménie, № 8, 1955, Erévan, стр. 3—27).

⁴⁴ См. об этом в работе: A. Meillet. Esquisse, стр. 103 и сл.; об армянском глаголе см.: Յ. Ջախչյան, Գործնական խնամքի սխեման ծագումը, Երևան,

А. Мейе⁴⁵ указывал на то, что в индоевропейском первичные глагольные основы, произведенные непосредственно от корня, были автономны и их число не было лимитировано; так, в греческом языке, от корня *τεπ* «оставаться» имелись формы презенса *τενυ*, редулицированного презенса *τενυ*, будущего времени *τενυ*, аориста *τενυ*, перфекта *τενυ*; почти повсюду эта сложная система была сведена к оппозиции двух глагольных основ: в современном греческом языке имеется лишь основа презенса *τενυ* и основа аориста *τενυ*; та же тенденция прослеживается в армянском языке, в котором представлены две глагольные основы: презенс *տնաթ* «я остаюсь», аорист *տնաթ* «я остался». В другой работе А. Мейе⁴⁶ прямо указывал на то, что описание структуры индоевропейских глагольных основ опирается преимущественно на данные греческого и индо-иранских языков. В то же время на основе данных, добытых при помощи внутренней реконструкции глагольной системы в отдельных индоевропейских языках, а также при учете данных хетто-лувийских языков, в настоящее время представляется возможным утверждать, что в позднеиндоевропейском в области глагольной парадигматики была представлена оппозиция двух глагольных основ, которые можно обозначить как инфект и перфект. В другой работе⁴⁷ была предпринята попытка доказать, что из основы инфекта в более позднее время были образованы основа презенса (с первичными окончаниями) и основа аориста (с ареально факультативным аугментом и вторичными окончаниями). Тем самым, оппозиция трех глагольных основ: презенса, аориста, перфекта, характеризовавшая глагольную парадигматику в отдельных индоевропейских ареалах, является продуктом преобразования более ранней системы оппозиции с наличием двух глагольных основ. В свете этого построения данные армянского языка, в котором в системе глагола представлены две основы: презенса и аориста, так же, как и данные других индоевропейских языков, где имеется оппозиция двух основ (германские, итальянские, хетто-лувийские языки), позволяют усматривать в них не новообразование, а консервацию весьма архаичных структурных особенностей глагольной парадигматики, восходящих к общиндоевропейской эпохе. В связи с основой аориста в армянском языке следует обратить внимание на дистрибуцию аугмента в формах аориста. Как известно, употребление аугмента в армянском языке регулируется структурными особенностями соответствующих форм: односложные образования употребляются с аугментом, многосложные образования употребляются без аугмента, ср. *laçl~elas* «плакал», *beri~eber* «нес»,

1981, см. также: R. Godel. Les origines de la conjugaison arménienne (Revue des études arméniennes. Nouvelle série. Tome II, Paris, 1965, стр. 21—41).

⁴⁵ A. Meillet. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, стр. 103.

⁴⁶ A. Meillet, J. Vendryes. Traité de grammaire comparée des langues classiques, Paris, 1953, стр. 174.

⁴⁷ Э. А. Макаев. Морфологический строй общегерманского языка (сб. «Проблемы морфологического строя германских языков», М., 1963, стр. 64—65).

lk'i ~ elik' «оставил», но gnači ~ gnač, так как данная форма на самом деле является двусложной (реализуется как gənač)⁴⁸. Как было впервые установлено Я. Вакернагелем⁴⁹, состояние армянского языка отражает общендоевропейские, при этом весьма древние тенденции к элиминированию односложных образований в составе глагольной парадигмы. Приходилось уже указывать на то, что как в дистрибуции аугмента в системе армянского аориста, так и в некоторых структурных особенностях глагольной парадигматики в германских языках следует усматривать действие тенденций, направленных на сохранение обязательного минимума структурных элементов каждого члена парадигмы. Так как члены индоевропейской глагольной парадигмы в подавляющем большинстве случаев были или двусложными или многосложными образованиями, то наличие в подобной парадигме односложных образований вело бы к нарушению структурной модели парадигмы⁵⁰.

Остается рассмотреть еще один случай из глагольной парадигматики армянского языка, имеющий прямое отношение не только к морфологии, но и к синтаксису, а именно употребление *verbum substantivum* в составных глагольных временах. Хорошо известно, что в армянском языке имеются глаголы: *linel* «быть» и *unenal* «иметь», при этом в глагольной парадигматике при построении составных глагольных времен принимает участие лишь глагол *linel* «быть». Хорошо известно также, что в большинстве индоевропейских языков с течением времени были образованы описательные глагольные формы с глаголом «иметь» в значении завершенного действия⁵¹. Наличие перифрастических форм с глаголом «иметь» засвидетельствовано в индоевропейских языках в относительно раннее время, начиная с хеттского языка⁵². Вопрос о перифрастическом перфекте в армянском языке был предметом ряда исследований⁵³, причем основное внимание обращалось на семантику данной категории⁵⁴ и на структурное оформление субъекта в родительном падеже при переходном глаголе типа арм. *արն միօ՛ր եւն Երկու օրդիկ* (Лука XV, II) «у некоторого человека было два сына»; *օրն Իսն Երկու հանձնիկ*

⁴⁸ H. Jensen. *Altarmenische Grammatik*. Heidelberg, 1959, стр. 95—96.

⁴⁹ J. Wackernagel. *Wortumfang und Wortform* (сб. *Kleine Schriften*, стр. 149 и сл.).

⁵⁰ Э. А. Макаев. *Морфологический строй общегерманского языка*, стр. 68.

⁵¹ См. об этом: E. Benveniste. *Etre et avoir dans leur fonctions linguistiques* (BSLP. 55, 1960, стр. 113—135).

⁵² См. E. Benveniste. *Hittite et Indo-Européen*. Paris, 1962, стр. 41—65, с важным разграничением хетт. *hark*—в сочетании с причастием прошедшего времени в значении «держать» и «иметь».

⁵³ S. Lyonnet. *Le parfait en arménien classique*. Paris, 1933. Рассматривая армяно-греческие изоглоссы, отмеченные А. Мейе, С. Лионне приходит к выводу, что «семантическая категория перфекта (в арм. языке.—Э. М.) позволяет добавить еще одно новое соположение, ибо, если сравнить в этом отношении какой-либо индоевропейский язык, то нельзя будет найти ничего, кроме гомеровского диалекта греческого языка» (S. Lyonnet. *Указ. соч.*, стр. 164); E. Benveniste. *Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien classique* (BSLP. 54, 1959, стр. 57—68).

⁵⁴ S. Lyonnet. *Указ. соч.*, стр. 68 и сл.

(Лука III, II) «у кого две одежды» и т. д.⁵⁵ Э. Бенвенист, отмечая эту особенность армянского языка, пытается найти объяснение данной конструкции в том, что в армянском языке для выражения понятия «иметь» используется конструкция «принадлежать кому-либо, или дословно «быть кого-либо»; Э. Бенвенист отмечает попутно параллелизм конструкции в армянском и в древнеегипетском языке⁵⁶. Здесь хочется отметить еще одну особенность армянского языка, а именно использование конструкции: род. падеж + глагол «быть» в том случае, когда в древних индоевропейских языках при помощи конструкции: *dativus possessivus* + глагол «быть» выражается понятие обладания или принадлежности⁵⁷ и неиспользование глагола «иметь» в качестве конститутивного члена в перфектной перифрастической конструкции в отличие от большинства индоевропейских языков, развивших в позднейшее время перифрастический перфект с глаголом «иметь» в качестве конститутивного члена конструкции. В этой особенности глагольной парадигматики армянского языка также сказывается консервация весьма архаичных черт общиндоевропейского моделирования в области глагольной парадигматики.

Все вышесказанное дает основание для утверждения, что взгляды А. Мейе на соотношение армянского языка и общиндоевропейской модели нуждаются в коренном пересмотре. В связи с усовершенствованием методики реконструкции общиндоевропейского языка, в связи с данными новооткрытых индоевропейских языков, особенно данными клинописного хеттского языка, наметился пересмотр постулатов классического индоевропейского сравнительного языкознания, и все это заставляет коренным образом пересмотреть вопрос о соотношении армянского и индоевропейского. Можно без преувеличения утверждать, что в свете современных данных значение армянского языка для реконструкции общиндоевропейского состояния не меньше, чем данные древнеиндийского, греческого или славянских языков. В будущей сравнительной грамматике индоевропейских языков данные армянского языка займут несравненно большее место, чем то имело место в конце XIX и в первой половине XX века. И. Шмидт, гению которого сравнительная грамматика обязана рядом замечательных открытий, мог еще сказать в конце XIX века: «Я ничего не понимаю в армянском языке»⁵⁸. Х. Целлер⁵⁹ отмечал в двад-

⁵⁵ E. Benvenist. Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien classique, стр. 59, где приводится значительный материал в основном из евангелий; ряд примеров приводится в работе: H. Jensen. Altarmenische Grammatik, Heidelberg, 1959, стр. 176—177.

⁵⁶ E. Benveniste. Etre et avoir dans leur fonctions linguistiques (BSLP, 55 1960, стр. 128).

⁵⁷ См. K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1904, стр. 431; см. также: W. Havers. Handbuch der erklärenden Syntax, Heidelberg, 1931, стр. 200 и сл.

⁵⁸ J. Schmidt. Assimilationen benachbarter einander nicht berührender vocale (KZ, Bd. 32. 1893, стр. 330—331).

⁵⁹ H. Zeller. Armenisch (сб. Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für W. Strellberg, Heidelberg, 1924, стр. 290).

цатых годах XX века: «Кто с молодых лет посвятил себя целиком армянскому языку, мог впоследствии легко разочароваться».

В настоящее время подобные декларации кажутся или анахронизмом, или просто невежеством. Можно смело утверждать, что отныне интенсивная разработка сравнительной грамматики индоевропейских языков без постоянного и широкого привлечения данных исторической фонологии, морфологии, лексики и исторического синтаксиса армянского языка—как грабара, так и ашхарабара—будет просто невозможной. Первыми из компаративистов, уяснившими себе значение армянского языка для сравнительного индоевропейского языкознания, были Х. Хюбшман и А. Меёе, замечательные работы которых в области исторической и сравнительной грамматики армянского языка и в области этимологии заложили фундамент и создали все предпосылки для построения сравнительной грамматики армянского языка. Советские арменисты с успехом продолжают и разворачивают начинания этих замечательных ученых. У армянского языка было великое прошлое; следует полагать, что у него будет и великое будущее.

ՀԱՅՈՑ ԼԵզՎԻ ՆՇԱՆԱԿՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՄԱՀԱՅԻՆՎՈՐՈՊԱԿԱՆ ՎԻՃԱԿԻ ՎԵՐԱԿԱՆՔՆՄԱՆ ՀԱՄԱՐ

Բանաս. դիտույր. ոոկտոբ. է. Ա. ՄԱԿԱՍՅՎ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Համահնդեվրոպական լեզվի վերանայնական մեթոդիկայի աշգրտումը՝ կապված նորահայտ հնդեվրոպական լեզուների տվյալների հետ՝ հանգեցրեց դասական հնդեվրոպական լեզվաբանության պոստուլատների վերանայնաււր, որ էականորեն արտահայտվեց հայերենի և հնդեվրոպական լեզվի փոխհարաբերության հարցի դրման մեջ: Հայոց լեզվի (գրաբարի և աշխարհաբարի) հնչյունական, ձևաբանական և շարահյուսական կառուցվածքի ստրուկտուրային որոշ առանձնահատկությունների, այն է՝ ձայնավորների սղման, բաղադրյունների տեղաշարժի, վերջնականների ստրուկտուրային ձևավորման, ձայնորդների՝ բաղադրյունակուն համակարգի մեջ ունեցած տեղի, անվանական և բայական հարացույցների ձևավորման, «լինել» բայի՝ բայական հարացույցի կառուցման մեջ ունեցած տեղի վերլուծությունը հիմք է տալիս պնդելու, որ համահնդեվրոպական լեզվի ստրուկտուրային կերպարանքի վերաբերյալ ժամանակակից պատկերացումների լույսի տակ համահնդեվրոպական միճակի վերականգնման համար հայոց լեզվի նշանակությունը ավելի փոքր չէ, քան հին հնդկերեն, հունարեն, անատոլիական կամ սլավոնական լեզուներին: Պետք է կարծել, որ հնդեվրոպական լեզուների ապագա համեմատական քերականության մեջ հայերենին անհամեմատ ավելի տեղ կհատկացվի, քան XIX դ. վերջի և XX դ. առաջին կեսի համեմատական լեզվաբանության մեջ: Հայոց լեզուն ունեցել է մեծ անցյալ, պետք է կարծել, որ նա կունենա և մեծ ապագա: